

В. ВЕРЕСАЕВ

ПОВЕСТИ
и рассказы

Викентий Викентьевич Вересаев

Друзья в масках

(Невыдуманные рассказы о прошлом)

Ни один живой человек, сколько-нибудь имевший дело с животными, не согласится, конечно, с педантической безглазостью ученых, считающих нельзя приписывать животным наших чувств и мыслей, что у них это только инстинкты, условные рефлексy. Слишком такой человек чувствует живую «душу» животного. В этой главе «Невыдуманных рассказов» у меня только пригоршня рассказов самой строгой, проверенной невыдуманности из огромных залежей наблюдений, которыми могли бы поделиться сотни тысяч людей, любящих природу и животных.

Содержание

#1.....	0005
1.....	0007
2.....	0009
3.....	0010
4.....	0012
5.....	0014
6.....	0015
7.....	0017
8.....	0019
9.....	0020
10.....	0022
11.....	0023
12.....	0025
13.....	0026
14.....	0027

Викентий Вересаев

Друзья в масках

Есть ученые биологи-педанты, типичные гетевские Вагнеры. Они называют себя дарвинистами, но, когда речь заходит о душевной и умственной деятельности животных, строго сдвигают брови и предостерегающе напоминают, что нельзя приписывать животным наших чувств и мыслей, что у них это только инстинкты, условные рефлексy. Вот, например, немецкий биолог А. Беете. Он решительно утверждает, что животные – простые «рефлексные машины»: они ничего не переживают, ничем не огорчаются, ничему не радуются, не способны ни к каким умозаключениям.

Дарвин ввел человека в огромную родственную семью животных, показал, что нет извечной, качественной разницы между человеком и животным, что все человеческие свойства путем длительной эволюции развивались из свойств, присущих животным. Для нас возможна только точка зрения, какую, например, высказывает Гексли: «Великое учение о непрерывности не позволяет нам предположить, чтобы что-нибудь могло явиться в природе неожиданно и без предшественни-

ков, без постепенного перехода. Неоспоримо, что низшие позвоночные животные обладают, хотя и в менее развитом виде, тою частью мозга, которую мы имеем все основания у себя самих считать органом сознания. Поэтому мне кажется очень вероятным, что низшие животные переживают в более или менее определенной форме те же чувства, которые переживаем и мы».

Ни один живой человек, сколько-нибудь имевший дело с животными, не согласится, конечно, с педантической безглазостью ученых, подобных Беете. Слишком такой человек чувствует живую «душу» животного. Тем менее сможет согласиться художник. Почитайте Льва Толстого, как он постоянно в восторге повторяет про лошадь или собаку: «Только не говорит!» Почитайте Пришвина.

В этой главе «Невыдуманных рассказов» у меня только пригоршня рассказов самой строгой, проверенной невыдуманности из огромных залежей наблюдений, которыми могли бы поделиться сотни тысяч людей, любящих природу и животных.

Если внимательно глядеть кругом, – приходится изумляться на каждом шагу. Вошел в подъезд нашего дома, поднимаюсь к себе по лестнице. Мне навстречу серый кот из соседней квартиры. Я его иногда прикармливаю. Мяукает, поглядывает на меня и бежит вниз. Остановится, поглядит и бежит вниз дальше. Я пошел следом. Он подбежал к двери, ведущей на двор, глядит на меня, мяукает. Я открыл дверь, и он выбежал.

Кот совершенно определенно *просил* меня выпустить его на двор. Какой дикий зверь знает *просьбу*? Может взять – берет. Не может – смиряется. Но чтобы обратиться к живому существу и ждать, что оно, без всякой для себя пользы, сделает что-то зверю нужное, – это ему не может прийти в голову.

Вообще человек среди зверей – существо совершенно особенное. Общение с ним зверей (так называемых домашних животных) создает в них навыки существенно особенные, которые невозможны при общении ни с какими другими животными. На домашних

животных можно ясно наблюдать пробуждение и растущее развитие такой умственной и душевной деятельности, которая роднит их с человеком и совершенно чужда диким зверям.

У нас в Туле была кошка. Дымчато-серая. С острою мордою – вернейший знак, что хорошо ловит мышей, с круглой мордочкой – такие кошки больше для того, чтоб ласкаться к людям и мурлыкать. Кошка эта ловила мышей с удивительным искусством. И – никогда их не ела. И совершенно по-человечески знала, что, поймав мышь, сделала нечто заслуживающее похвалы. Она появлялась с мышью в зубах и, как-то особенно, призывно мурлыкая, терлась о ноги мамы. Уже по этому торжествующему, громкому мурлыканью все мы узнавали, что она поймала мышь. Мама одобрительно гладила кошку по голове; кошка еще и еще пихала голову под ее руку, чтоб еще раз погладили. Потом обходила всех нас, и каждый должен был ее погладить и похвалить. Потом она душила мышь, бросала и равнодушно уходила.

На окраине Боржома по откосу горы густо лепятся дома грузинского типа, с крытой галереей вдоль фасада, на которую выходят двери каждой из комнат. Был третий год Отечественной войны, голодали и люди, не только животные. Лежал на узеньком дворике перед домом неистово голодный, длинноногий черный пес. Он непрерывно чесался от одолевших его блох и ласково вилял хвостом каждому входящему человеку, надеясь получить что-нибудь поесть. Ел он и человеческий кал, и помидорную кожицу, и огрызки яблок. Звали его Тузик.

На галерее нижнего этажа жила кошка с тремя котятами. Когда хозяева давали ей что-нибудь поесть, Тузик выходил из себя, лаял и прыгал к перилам. Кошка, кончив есть, садилась на перила. Тузик озлобленно бросался вверх на нее. Кошка щурилась и притворялась, что его не замечает, а когда морда пса оказывалась уже слишком близко, давала ему лапами несколько пощечин.

Если хозяев на террасе не было, а дверца

на двор не была закрыта, Тузик врывался на террасу и жадно поедал все, что было в кошачьей миске. Кошка сидела возле самой его морды и огорченно смотрела. Выходил кто-нибудь из хозяев.

– Тузик, это что?! Вон!

Пес поспешно удалялся, а кошка бросалась следом и била его лапами по заду.

Однажды утром пес уверенно, не боясь хозяев, взошел на галерейку и положил на полдохлого котенка. Котенок был чужой. Положил и деловито удалился. Хозяин, смеясь, вышвырнул котенка на двор. Тузик внимательно поглядел на хозяина, подошел к котенку и с аппетитом съел.

Вот. Не съел сразу, как нашел. Увидел – и сделал умозаключение: подобные неприятные звери живут вон на той галерейке; наверное, и этот оттуда; надо отнести туда. С удовольствием сразу съел бы, но долгом своим почел отнести.

В Тбилиси, зимою 1943 года. Перед «хлебной точкой» стояли возле грузовой машины открытые ящики с привезенным хлебом. Возчики вносили их в магазин. А у стены стоял ужасающе худой, шершавый пес – все кости можно было видеть целиком, как будто на них ничего уже не было, кроме кожи. Казалось, он издохнет от голода не дольше, как через час-два. Пес грустно стоял и пристально смотрел на хлеб в открытых ящиках. Но в глазах его было написано:

Нельзя!

Возчики уходили с хлебом в магазин, можно было без большого риска схватить хлеб и скрыться. Но тут был не страх перед наказанием, перед побоями. Что все побои перед голодом! В голодный год я видел в Феодосии, как били на базаре человека, укравшего булку. Его били каблуками и палками, а он лежал ничком, втянув голову в плечи, не защищался и спешил съесть булку. Тут у пса был не страх перед наказанием, было что-то, более сильное и властное, чем даже голод, что-

То совершенно непонятное дикому зверю и воспитанное в собаке человеком, – чувство долга:

Нельзя!

Мы катили на автомобиле по Сокольническому просеку. Впереди нас во весь опор мчался молодой доберман-пинчер. Было такое впечатление, что он отстал от хозяина и догоняет его.

Но вдруг пес остановился, подождал нашу машину, выравнялся с нею, взглянул на нас молодыми, ожидающими глазами, коротко лаянул и стрелой понесся вперед. И на бегу оглядывался: кто кого? Но шофер был солидный, перегоняться с собакою не захотел, и она далеко нас обогнала. Так три раза она делала, до самого Яузского моста. Подбегала к машине, выравнивалась и потом неслась вперед. Была всего удивительнее та добросовестность, с которою пес устраивал старт: бежал некоторое время точно вровень с машиною, потом давал лаем сигнал – и устремлялся вперед.

Через три часа мы ехали назад. Навстречу нам несся грузовик, а рядом с ним, высунув язык, мчался вперегонки неутомимый наш доберман.

Потешнейшая собачонка из породы малолетних прослых косматых пинчеров. – Безобразна она была до крайности. Длинная, косматая шерсть, спутанная, как войлок, от глаз волосы расходятся лучеобразно, глаза как будто совиные. Смешной какой-то черт. Великолепно ловила крыс.

Мне даже неловко писать, до чего она была умна. Никто не поверит. Сама безобразная, очень любила все красивое. Когда молодая девушка в семье надевала белое платье с красным поясом, собачонка садилась на задние лапы и часами любовалась ею. Сидит и смотрит. Любила и сама покрасоваться. И это было самое потешное. На косматую шерсть ее лба привязывали ярко-красный бантик. Она опророметью мчалась к трюмо, – да, да! бросалась к зеркалу! – оглядывая себя, потом садилась на подоконник открытого окна (жили они в нижнем этаже) и гордо сидела, выставя себя на поглядение прохожим. Прохожие оглядывались на эту рожу, многие останавливались и хохотали. А она величественно сиде-

ла, гордая всеобщим вниманием.

У угла моей дачи стояла кадушка, полная воды. Рядом – куст бузины. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем еще молодых, с пушком, сквозящим из-за перьев, с ярко-желтыми пазухами по краям клювов. Один бойко и уверенно перепорхнул на край кадушки и стал пить. Пил – и все поглядывал на другого, и перекликался с ним на звенящем своем языке. Другой, чуть поменьше, с серьезным видом сидел на ветке и опасно косился на кадушку. А пить-то, видимо, хотелось – клюв был разинут от жары.

И вдруг я ясно увидел: тот, первый, – он уж давно напился и просто примером своим ободряет другого, показывает, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно прыгал по краю кадушки, опускал клюв, захватывал воду и тотчас ронял ее из клюва, и поглядывал на брата, и звал его. Братишка на ветке решился, слетел к кадушке. Но только коснулся лапками сырого, позеленевшего края – и сейчас же испуганно порхнул назад на бузину. А тот опять стал его звать.

И добился наконец. Братишка перелетел на кадушку, неуверенно сел, все время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

В марте месяце 1911 – го года я ехал на пароходе из Египта в Грецию. И необычная картина была на пароходе: на корме, заваленной товарами, сидела масса самых разнообразных перелетных птичек. Они кружились в воздухе, порхали над волнами и опять садились на корму, клевали сквозь камышовые решетки упаковочных ящиков пунцовые египетские помидоры. На ночь птички расположились спать на мачтах, реях и бушприте нашего парохода. Матросы очень любят этих птичек и не позволяют пассажирам их обижать. Я спрашивал матросов про птичек. Весною их можно видеть только на судах, идущих на север, осенью – на судах, идущих на юг. Вы догадываетесь? Какой тут мог быть инстинкт? Птицы как-то почуяли, каким-то путем поняли: зачем им тратить силы на трудный перелет через море, когда можно с великолепнейшим комфортом переплыть море на пароходе? Когда-нибудь, может быть, выработается и инстинкт.

Часто я стою на улице и с интересом наблюдаю бегущую мимо собаку. Она все время обнюхивает на ходу камни, тумбы, стены. Вдруг остановится у заинтересовавшей ее тумбы, обнюхивает ее долго и тщательно, потом бежит дальше. И все время нос в камни мостовой, и все время нюхает. Конечно, это так: для собаки обоняние – то же самое, что для нас зрение. Я гуляю – и смотрю. Она гуляет – и нюхает.

А зрение у собак плохое и неприметливое. У меня на даче в Коктебеле щенок наш Бобка однажды притащил в сад вонючее крыло дохой галки, с большим наслаждением грыз его и перетаскивал с места на место. Я сказал племяннице Але, чтоб она отвлекла внимание Бобки, и тут же, в пяти шагах от него, почти на его глазах, закопал крыло в землю. Бобка воротился – крыла нет. Он ничего не заметил. Не заметил, как я взял на лопату крыло, как закапывал в землю, не обратил внимания на свежую кучу земли. Крыло для него исчезло. Он бегал и напрасно нюхал. Однако

через два часа крыло опять было в зубах Бобки: он таки вынюхал его сквозь землю и открыл.

Во время оно был у нас в Зыбине пойнтер Гетман. Обоняние его было изумительное: дадут понюхать коробку спичек, выведут из комнаты, коробку спрячут в ящик комода под белье и ящик задвинут. Впустят – он тщательно все обнюхает и остановится перед тем ящиком комода, где запрятаны спички. И вот раз идем мы на лыжах по саду. Впереди – грозно-испуганный лай Гетмана. Стоит в пяти шагах от небольшого пенька и лает: обросший черным мохом лохматый осиновый пенек в обтаявшей от февральского солнца снеговой воронке.

– Гетман! Чего ты? Вот дурак!

Я ударил палкой по пеньку. Гетман подбежал, взволнованно обнюхал пенек, равнодушно отвернулся и побежал дальше.

С этим самым Бобкой в Коктебеле был еще такой случай. У него вздулся большой нарыв на лапе. Племянница моя Аля попросила своего отца, доктора, вскрыть нарыв. Она держала на коленях Бобку, положив руку ему на голову. Отец с бесстрастным лицом резал, а Аля сидела с страдающим лицом. Когда Бобке уж очень было больно, он начинал скулить, пытался выдернуть лапу и вопросительно взглядывал на Алю. Аля гладила его по голове и успокаивающе говорила:

– Ну, Бобочка, потерпи! Сейчас не будет больно!

И Бобка покорно терпел и уж не пытался вырвать лапу. И вытерпел всю операцию.

Шел вечером по Денежному переулку. Пронесся автомобиль. Из-под колес бешеный визг, и по мостовой быстро закрутился белый комок. Небольшой фокс надсадно визжал и кружился, кружился спотыкающимся, неуклюжим волчком. Отовсюду настороженным лаем откликнулись собаки.

Фокс, странно изогнувшись и громко визжа, побежал по улице. С грозным рычанием на него налетела черная собака и хотела укусить в спину. Фоксы бешено храбры. Он обернулся, угрожающе ляскнул на черную собаку. Она отстала. А он дальше побежал молча... Да, брат, если плохо тебе, – молчи!

Эта подлая собачья привычка: когда визжит собака, когда ее грызут другие собаки, стараться и самой ее укусить, поспешить на помощь сильным против слабой.

/Но иногда приходится наблюдать и удивительнейшее собачье благородство по отношению к слабым. У нашей моськи Бэлы, о которой я дальше расскажу, был в молодости брат, Нарзан, задорный и самоуверенный, из

породы крыловских мосек. На дворе же в тульском нашем доме был цепной пес – лохматый, белый, чудовищной величины. Звали его Дворняк. На ночь его спускали с цепи, он на свободе бегал по двору и по саду и густым своим лаем должен был отпугивать воров.

Вот раз как-то вечером дворник спустил Дворняка с цепи раньше обычного. Он вбежал в сад. Виляя хвостом, подбежал к нам. Вдруг на него с грозным лаем бросился дурак Нарзан, прямо бросился на него, чуть не чтобы драться. Дворняк рывкнул и мгновенно подмял под себя Нарзана. Мы замерли: конец Нарзану! Замер от ужаса и сам Нарзан, прижатый спиной к земле могучими лапами Дворняка. А Дворняк, оскалив над Нарзаном ужасную пасть, подержал его с минуту под своими лапами и, не тронув зубом, отпустил. Знай, мол, вперед, на кого бросаться, а я об тебя пачкаться не хочу.

Была у нас в семье моська, сестра этого Нарзана. Маленькая, жирная, с одышкою, с глазами навывкате, как у лягушки. Но по-человечески добрая и удивительно умная. Звали ее Бэла. Иногда прямо казалось, что у нее человеческая душа. Однажды заговорили мы о том, что Бэла очень стара, что следовало бы ее отравить. Сестра Лиза, подросток-гимназистка, серьезнейшим образом испуганно заметила нам:

– Господа, говорите по-немецки, а то Бэла все поймет!

Сестренку Аню кто-то обидел, она не пошла обедать, лежала у себя на постели и плакала. Бэла вертелась вокруг обедающих, повизгивала, махала хвостом и глядела просящими глазами. Всех это очень удивило: Бэла никогда не просила за столом, она знала, что ей еда полагается после обеда. Решили, что очень проголодалась, дали куриную косточку. Бэла побежала к плачущей Ане и бережно положила ей косточку на подушку.

В таком же роде. В Ялту на осень приехала девушка, больная туберкулезом. Дули сильные ветры. Она подпростудилась. Появилось кровохарканье. Полторы недели лежала, не вставая, совсем одинокая.

Вошла к ней проведать ее хозяйка. Когда она уходила, в дверь проскользнула хозяйская собака; больная часто ее кормила. Перепрыгнула через табуретку, кинулась к больной, положила ей морду на грудь. Девушка прижала ее голову, ласкала и горько плакала. Собака внимательно поглядела на нее и убежала. Через минуту появилась с плюшкой в зубах и положила девушке на грудь – стащила у хозяев.

Собака была самка, но детей у нее не было. Она отыскивала беспризорных щенят и котят и носила им еду.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР, «ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ».

«Я часто думаю: где пролегает скрытая граница понимания между человеком и животным, лишенным дара внятной речи?»

Через какой первоначальный рай, на утре древних дней, пролегла тропинка, по которой их сердца ходили навещать друг друга?»

Их следы на тропинке еще не стерлись, хотя давно уже забыты родственные связи.

Иногда, в какой-то музыке без слов, проснется темное воспоминанье, и животное смотрит тогда человеку в лицо с нежной верой, и человек смотрит в глаза животному с растроганною любовью.

Как будто сошлись два друга в масках и смутно узнают друг друга под личиной».